18+

Алексей Якушев

СВЕТ ВОСПОМИНАНИЙ

РОМАН

Алексей Якушев
Свет воспоминаний. Роман

https://litres.ru/74817358
ISBN 9785006862975

Аннотация

Всё началась в виртуальном мире. Разлука расколола реальность. Их ждало счастье, но обстоятельства жестокого мира разлучили их навсегда. Чтобы спастись от боли, ему предстоит пройти через ад отрицания, гнева и отчаяния. Но он ещё не знает, что за его страданием следят. Что реальность — лишь программа. А любовь — единственный «глюк», способный её взломать.

Готовьтесь к путешествию, где граница между реальным и цифровым стёрта, а любовь оказывается сильнее всего.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 5
ЧАСТЬ I: ЗАРОЖДЕНИЕ 6
Глава 1: Оазис 6
Глава 2: Поселенцы с окраины 10
Глава 3: Песчаная буря 14
Глава 4: Нематериальный фундамент 17
ЧАСТЬ II: КАТАСТРОФА 20
Глава 5: Немое сообщение 20
ЧАСТЬ III: БОЛЬ 23
Глава 6: Немой экран 23
Глава 7: Война с миром 26
Глава 8: Сделка с пустотой 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Свет воспоминаний
Роман

Алексей Якушев

© Алексей Якушев, 2026

ISBN 978-5-0068-6297-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Это могло произойти в любой из параллельных вселенных. Возможно, так оно и было.

Где-то прямо сейчас инженер смотрит на экран, и его одинокая вселенная из кода и логики встречается с другим сознанием. Где-то архитектор вплетает в чертежи невыразимую гармонию, которую невозможно объяснить формулами. Где-то два одиночества на краю цифровой пустыни находят друг друга, и их союз рождает новое измерение.

Эта история — лишь один из бесчисленных сценариев. Но именно в этом варианте случилось нечто, что заставило шептаться сами законы мироздания. Нечто, что заставило титанические силы, правящие реальностью, обратить свой взор на хрупкий мир, построенный из света и обещаний.

Что может быть сильнее гравитации, прочнее времени и реальнее самой реальности? Ответ скрыт на этих страницах. И он может изменить всё, что вы знаете о любви, боли и природе самого бытия.

ЧАСТЬ I: ЗАРОЖДЕНИЕ

Глава 1: Оазис

Петербург встречал его дождливыми рассветами, и Скела чувствовал с этим городом тихое, почти братское согласие. За окном его мастерской, в туманной дымке, плыли шпили и крыши, а на подоконнике равномерно стучали крупные, неторопливые капли. Это была не унылая морось, а добрая грусть — состояние, когда сырость за стеклом не давит, а, наоборот, создает уют внутри, оттеняя тепло одинокого света настольной лампы. В такие утра мир сужался до размеров комнаты, а бесконечное пространство открывалось за экраном монитора.

Проект «Оазис» был не просто работой. Это был побег в мир, где он был не винтиком, а демиургом. Симуляция колонизации Марса, за которую он отвечал, — это грандиозный цифровой собор, возводимый по камушку, по кирпичику алгоритмов. Здесь не было ни дождя, ни ветра, ни расписаний. Только чистая, кристаллическая логика, подчиняющаяся его воле. Он не писал код — он возводил своды, прокладывал русла для искусственных рек, рассчитывал напряжение в несущих арках куполов. Это был его мир. Абсолютный. Безмолвный. И в своей безупречной пустоте — идеаль-

ный.

До того дня.

Он отлаживал систему полива для сектора «Кедрон» — сложную паутину капилляров, которая должна была оживить марсианский реголит. На периферии зрения, в самом центре главного зала-симулятора, что-то мелькнуло. Легкая, неучтенная аномалия.

Скела поднял взгляд.

В центре пустого виртуального пространства, над голографической проекцией будущего города, парила она. Её аватар был нарочито прост, лишен вычурных деталей — просто обтекаемая светящаяся форма. Но в движении этой формы была странная, абсолютная грация, сродни полёту ласточки или падению листа. Она не ходила — скользила. Её пальцы (или то, что их имитировало) легкими, почти небрежными касаниями перерисовывала архитектуру центрального купола. Утилитарные, выверенные им до миллиметра конструкции начинали изгибаться на глазах, их прямые линии смягчались, превращаясь в лёгкие, похожие на раскрывающиеся цветки, структуры. Это было одновременно кощунственно и прекрасно.

Скела наблюдал несколько минут, ошеломленный этой наглой поэзией. Инженер в нем возмущался. Художник — замер в восхищении. В итоге возмущение взяло верх.

— Ваш купол не дышит, — его голос, хриплый от ночного молчания, грубо врезался в тишину их общего эфира.

Светящаяся форма обернулась. В месте, где должны быть глаза, вспыхнули две точки — не ослепительные, а теплые, глубокие. В них читался не испуг, а живой, пытливый интерес.

— Дыхание — это биологический процесс, — прозвучал её голос. Чистый, без единой помехи. — А это — инженерный объект. Его функция — защита от радиации и перепадов давления.

— Всё, что живёт — дышит. Даже камень, — парировал Скела, сам удивляясь своей настойчивости. — Ваши арки красивы, но они мертвы. В них нет пульса.

— Ветер на Марсе имеет скорость до ста метров в секунду, — ответила она, и он уловил в её тоне легкую усмешку. — Мои арки не должны его «бояться». Они должны его выдерживать. Я добавляю им не дыхание, а гибкость. Эластичность. Чтобы они не сломались, а танцевали с ветром.

— Выдерживать — не значит жить. Они статичны. В них нет того самого напряжения жизни, которое отличает собор от гаража.

Она парила ближе, и её светящийся аватар казался теперь живым существом.

— А вы думаете, соборы не выдерживают нагрузок? Каждый их изгиб, каждый контрфорс — это ответ на вызов гравитации, это напряженный диалог с миром. Я просто веду такой же диалог. Только с ветром.

Этот странный, почти сумасшедший спор о дыхании кам-

ней и танцующих арках длился три часа. Они говорили на разных языках — он на языке сил, сопротивлений и КПД, она — на языке линий, напряжений и гармонии. Но где-то в самой сути этих языков они понимали друг друга без слов.

За окном Скелы давно рассвело, дождь кончился, и сквозь разрывы облаков пробивался бледный питерский свет. Но он уже не видел ни города, ни стройки напротив. Он видел только её — архитектора из Берлина, которая ворвалась в его безмолвный цифровой собор и заставил его стены дышать.

Глава 2: Поселенцы с окраины

Их работа над куполом превратилась в странный и прекрасный симбиоз. Скела выстраивал скелет — безупречный с инженерной точки зрения каркас, просчитывал распределение нагрузок, динамику компенсационных швов. Он был костью и сухожилием их общего творения.

Ашат становилась его плотью и душой. Она брала его чертежи и, словно волшебница, оживляла их. Там, где Скела видел необходимость поставить усиливающую балку, она предлагала арочный переход, повторяющий изгиб крыла. Там, где он проектировал стандартный узел вентиляции, она вплетала его в сложный орнамент, напоминающий то ли снежинку, то ли звездную карту. Её правки с точки зрения логики часто были бессмысленны, но с точки зрения гармонии — гениальны. И что удивительнее всего, после долгих споров и моделирования Скела с изумлением обнаруживал, что её «поэтические» решения зачастую оказывались на несколько процентов эффективнее его утилитарных.

Они стали «поселенцами с окраины» — так в шутку назвала их Ашат.

— Смотри, — как-то сказала она, указывая на карту их виртуального Марса. — Вот официальный проект, «столица». Ярко освещенная, с главными корпусами, куда все будут загружаться в рабочее время. А наш купол… он на самом

краю, у подножия горы. Его достраивают позже всех. Туда приходят те, кому мало официальной версии. Поселенцы с окраины. Мы — одни из них.

Это определение прижилось. Оно идеально описывало их альянс. Они работали в «Оазисе» в нерабочее время, после того как отключались основные сервера и их коллеги из Петербурга, Берлина и Токио разбредались по своим реальным жизням. Их смена начиналась глубокой ночью по его времени и поздним вечером — по её.

Каждый вечер Скела загружался в симуляцию, и каждый вечер она была уже там. Его ночь в Петербурге с её завыванием ветра в щелях старых рам и одиноким воем бульдозера на стройке напротив превращалась в его слова — медленные, меланхоличные, выверенные, как инженерные формулы.

Её день в Берлине был полной противоположностью. Она выходила в сеть после лекций в Баухаусе или с подработки в архитектурном бюро. Её мир был наполнен шумом стройки за окном (настоящей, земной), грохотом поездов U-Bahn, гомоном многоязычной толпы на улицах Кройцберга. И вся эта стремительная, дерзкая энергия большого города становилась её речами — такими же стремительными, полными неожиданных метафор и смелых идей.

Он читал ей свои стихи, написанные в эти одинокие ночи:

«Марсианский песок на экране монитора…

Холодный свет, и в нём — твой смех,

Единственная космическая станция,

С которой я не хочу выходить на связь.»

Она слушала, затаив дыхание, а потом смеялась — звонко, как тот самый колокольчик в тишине его комнаты. Она показывала ему свои эскизы, нарисованные на краю лекционных тетрадей или на салфетках в берлинских кафе. «Смотри, — говорила она, переводя карандаш по виртуальному холсту, — здесь будет сад. Не просто оранжерея с расчетом на биомассу на человека, а место силы. Где можно сесть и просто смотреть на Землю в небе. А здесь — площадь, где наши дети будут бегать под куполом, и мы не будем бояться, что они поцарапают коленки о слишком острый угол».

Слово «дети» повисало в воздухе, густея, как туман над Невой. Оба делали вид, что не замечают его, но щеки Ашат заливал румянец, а Скела отводил взгляд своего аватара, смотря на безупречные линии её последней арки.

Они были поселенцами с окраины не только в проекте. Они были ими в жизни — два одиноких архитектора, нашедших друг друга на краю цифровой вселенной, строящих свой хрупкий, идеальный мир из света и кода, в то время как за окнами их реальных квартир шумели два разных, незнакомых друг другу города.

Глава 3: Песчаная буря

«Этот глюк был слишком идеален в своем хаосе, словно кто-то проверял прочность не только купола, но и их связи»

Их мир был математически совершенен. Скела выверял каждый алгоритм до седьмого знака после запятой. Ашат выстраивала формы так, чтобы они не просто выдерживали, но и элегантно распределяли любую нагрузку. Их купол был гимном человеческому разуму — воплощением порядка, брошенным в лицо хаосу красной пустыни.

Но они забыли одну простую истину: любая, самая крепкая система, уязвима не для внешней силы, а для внутреннего сбоя. Для глюка, бага, вируса. Нельзя предусмотреть всё. Хаос всегда находит щель.

Их испытанием стала песчаная буря. Не та, что была прописана в сценарии стресс-тестов, с предсказуемой силой и вектором. Это был жестокий, ничем не спровоцированный сбой. Глюк в подсистеме физики, вызванный каскадом ошибок в недавнем обновлении. Виртуальный мир содрогнулся, будто гигантская невидимая рука встряхнула аквариум. Завыл ветер невиданной, немыслимой силы, которого не могло быть в разреженной марсианской атмосфере. Экран Скелы затянуло не просто багрово-коричневой пеленой, а сплошным, движущимся кошмаром, в котором не было ни неба, ни земли.

— Данные скачут! — крикнул он, но его голос утонул в рёве синтезированного урагана. — Стабильность на грани! Протоколы не отвечают!

— Я не вижу тебя! — в его голосе, всегда таком уверенном, впервые прозвучала настоящая, животная тревога. Это была не просто потеря сигнала. Это было ощущение, что почва уходит из-под ног в мире, где почвы быть не должно.

— Я здесь! — её голос пробивался сквозь цифровой шквал, искажённый помехами, но он был единственной точкой опоры во вселенском хаосе. — Я всегда здесь. Держись за мой маячок!

Он двигался на звук, его аватар спотыкался о невидимые выступы, которые секунду назад были ровным полем. Логфайлы, эти сводки их идеального мира, теперь представляли собой безумный водопад ошибок: «Перегрузка полигональной сетки… Критическое падение FPS… Потеря пакетов данных…». Виртуальный песок хлестал с такой силой, что Скеле, сидящему в тихой питерской комнате, казалось, он чувствует скрежет на пластике шлема, слышит вой ветра не в наушниках, а в самых стенах.

Сквозь рыжий, пульсирующий мрак он наконец увидел смутные, мерцающие очертания. Её аватар, такой всегда лёгкий и изящный, теперь едва держался, заливаемый лавиной пикселей, имитирующих песок.

— Держись за меня! — его команда прозвучала как мольба.

Их аватары нашли друг друга в цифровом вихре. Они прижались друг к другу спинами, создав единый, более устойчивый контур. Он чувствовал легкую, непрерывную вибрацию её модели — сказывалась перегрузка. Или это дрожал он сам? В его ушах стоял оглушительный гул, а перед глазами плясали багровые артефакты, но в центре этого ада была она. Точка тишины. Точка спокойствия.

Они простояли так, казалось, вечность, пока буря не стала стихать, оставляя после себя искажённый, покрытый цифровыми шрамами ландшафт.

В наступившей тишине, звонкой от напряжения, её голос прозвучал с незнакомой ему твёрдостью, в которой была сталь.

— Я приеду. Или ты. Это должно случиться. Настоящее. Не это. Не код, не свет, не эта… эта хрупкая иллюзия.

Он молчал, глядя на опустошённый пейзаж их общего мира. Он видел перед собой не виртуальные руины, а реальную пропасть между ними — из виз, долгов, обязательств, безденежья. Он был архитектором миров, но не мог построить простой мост через границу.

— Я буду ждать, — сказала она, и её голос снова стал мягким, словно поглаживающим по ранам. — Даже если свет погаснет и сервера умолкнут. Ты услышишь мой шёпот. Всегда.

Глава 4: Нематериальный фундамент

С того дня реальный мир для Скелы стал лишь фоном, черновиком, ожидающим воплощения. Он начал строить мост. Мост из копеек. Каждая отложенная купюра, каждый рубль, сэкономленный на мелочах, был кирпичиком в сооружении, которое должно было соединить Петербург и Берлин.

Их виртуальные встречи наполнились новым, трепетным смыслом. Теперь их совместная работа над куполом была не просто творчеством, а предвкушением. Каждый завершенный модуль, каждая удавшаяся деталь были шагом навстречу друг другу.

— Смотри, — говорила Ашат, и её аватар брал его за руку (виртуальную, но от этого прикосновение не становилось менее реальным в его сознании), ведя к только что созданной ею арке. — Это будет наша арка. Мы назовем её «Аркой Первого Вздоха». Потому что, когда ты приедешь, я сделаю свой первый по-настоящему глубокий вдох.

Он смеялся, этот смех, непривычный для его одиноких ночей, звучал в эфире:

— А разве ты не дышишь?

— Нет. Я будто задерживаю дыхание с того дня, как мы встретились. Жду.

Она создала в их симуляции «Сад Непроизнесенных Обещаний». Там, в защищенном от виртуальных ветров месте,

росли фантастические цветы, меняющие цвет в зависимости от времени суток в Петербурге и Берлине. Синие — когда он работал, золотые — когда она.

Он, в свою очередь, спроектировал для неё «Площадь Тихих Шагов». Он объяснял это инженерной необходимостью — зоной релаксации для колонистов. Но он знал, что проектировал её для их будущих прогулок. Он рассчитал акустику так, чтобы малейший шёпот был слышен, как самый нежный звук в универсуме.

— Почему такая странная геометрия у фонтана? — както спросила она, изучая его чертежи.

— Это не фонтан, — тихо ответил Скела. — Это капля. Та самая, что стучит по моему подоконнику каждое утро. Я хочу, чтобы она была и здесь. С тобой.

Они больше не просто работали. Они наполняли свой цифровой собор призраками будущего счастья. Каждый алгоритм был стихом, каждая архитектурная форма — признанием.

Он верил в её слова, как в закон физики. Он отказывал себе во всём. Вторая чашка кофе — лишняя. Новая книга — непозволительная роскошь. Проездной на месяц вместо такси. Он стал виртуозом экономии, аскетом во имя великой цели.

Он писал ей: «Следующий месяц. Я обещаю. Я почти собрал. Сегодня купил билет в симуляцию. Не настоящий, но я уже вижу его номер».

По ночам он уже не видел потолок своей квартиры. Он видел её лицо — ясные глаза, упрямый подбородок, улыбку, ради которой хотелось совершать безумства. Он засыпал с мыслью о том, как они будут пить кофе не в симуляции, а в маленьком берлинском кафе, и её пальцы будут не виртуальными огоньками, а теплой кожей, касающейся его руки.

Их любовь оставалась виртуальным куполом — идеальным, прочным и всё ещё недостроенным. Но в момент своего зарождения, в этих смешных и трогательных попытках построить мост из копеек и наполнить код романтикой, она была чище, сильнее и настоящей всего, что они знали. Это был не побег от реальности. Это было строительство новой, общей реальности, кирпичик за кирпичиком, строка кода за строкой, секунда за секундой ожидания.

ЧАСТЬ II: КАТАСТРОФА

Глава 5: Немое сообщение

Прошло почти два года с их первой встречи в «Оазисе», когда тот вечер настал…

Тот вечер был особенным. Скела дописывал сложный модуль для системы вентиляции — тот самый, что должен был наполнить «Сад Непроизнесенных Обещаний» воздухом, пахнущим не стерильным фильтром, а настоящей жизнью. В симуляции они договорились встретиться завтра, чтобы вместе «вдохнуть» первый воздух их общего творения.

Он отправил ей сообщение: «Завтра закончу с отладкой и буду весь твой. Спи спокойно, моя звёздная. Уже слышу, как дышит наш сад.» Её статус показывал «не в сети» — странно, она обычно писала «спокойной ночи» перед сном.

Он уже собирался выключать компьютер, когда в мессенджере всплыло новое сообщение. Не от Ашат. От Лины, её подруги, с которой они лишь раз пересекались в общем чате. Сердце Скелы бессознательно сжалось.

Сообщение было длинным. Слишком длинным для обычной вежливости.

«Скела, это Лина. Прости, что пишу так поздно. С Ашат… Случилось страшное. Сегодня вечером, когда она

возвращалась со стройки… Её сбил грузовик. Врачи ничего не могли сделать. Её не стало. Я не знаю, как ещё это сказать. Она так часто говорила о тебе, о ваших планах… Прости.»

Сначала он не понял. Прочитал ещё раз. Медленно, по слогам, как будто это был сложный технический мануал на незнакомом языке. «Случилось страшное… Сбил грузовик… Её не стало.» Слово «не стало» распалось на отдельные буквы, которые жгли сетчатку. «Не. Стало.»

«Сбой, — промелькнула первая связная мысль, холодная и отчаянно рациональная. — Глюк в приложении. Взломали аккаунт. Чья-то чудовищная, неудачная шутка.»

Пальцы сами потянулись к клавиатуре. Он ответил Лине, и его собственные слова показались ему чужими: «Это чья-то неудачная шутка? Передайте Ашат, чтобы она не шутила так.»

Ответа не было. Тишина в комнате стала густой, звенящей, давящей на барабанные перепонки. Он щёлкнул по иконке чата с Ашат. Их переписка, их смех, их планы — всё обрывалось на его вчерашнем сообщении. Яркая, живая лента уходила в чёрную пустоту.

Он написал ей: «Ашат?»

Потом ещё раз, уже без знака вопроса: «Ответь мне».

И ещё, уже почти умоляя: «Пожалуйста».

Молчание было оглушительным. Оно звенело в ушах, стучало в висках, заполняло комнату до самого потолка. Он запустил их симуляцию, сердце бешено колотясь. Всё было на

своих местах. Их купол, их арки, их Сад. Её аватар стоял на краю виртуального кратера, застывший, как изваяние.

— ГОВОРИ ЖЕ! — его собственный голос прозвучал оглушительно громко, дико, разрывая тишину его одинокой квартиры. Эхо раскатилось по пустым комнатам.

Он написал последнее сообщение. Длинное, отчаянное, бессвязное. Он умолял её откликнуться, говорил, что это не смешно, что он уже собрал почти все деньги, что завтра, совсем завтра… Он отправил его и уставился на экран, вглядываясь в неподвижный статус, в немое имя.

Экран оставался немым. А за окном, за стеклом, за которым стучал дождь, медленно, неумолимо светало. Первое утро в мире, где, как утверждало это письмо, её больше не существовало. Где не было её смеха, её упрямого подбородка, её рук, перерисовывающих его мир.

Но Скела не верил в этот мир. Он верил в их симуляцию. В их купол. В её шёпот в вечности.

Он ждал. Сидел перед экраном и ждал, пока за окном не проехал первый утренний трамвай, оглушительно звякнув на стыке рельсов. Он всё ждал.

ЧАСТЬ III: БОЛЬ

Глава 6: Немой экран

Онемение длилось несколько дней, создавая иллюзию нормальности. Следующие несколько недель он функционировал на автопилоте: дышал, пил воду, даже выходил в магазин. Но каждые пятнадцать минут, с маниакальной точностью, его пальцы сами тянулись к мышке, чтобы проверить её профиль. «Последний вход: 7 дней назад». Семь дней. Это была не вечность, это была техническая неполадка. У неё сломался девайс. Отключили интернет. Она уехала в горы, где нет связи. Логичные, рациональные объяснения выстраивались в стройную цепь.

Он писал новые сообщения, тщательно подбирая слова, как будто от их тона зависело всё:

«Проверь соединение, возможно сбой в сети. Я перезагрузил сервер с нашей симуляцией.»

«Может быть у тебя сломался девайс? Напиши с чужого аккаунта.»

«Я жду. Я всегда буду ждать. Наш сад цветёт.»

Он загружал их симуляцию и подолгу сидел рядом с её застывшим аватаром, вслух рассказывая о своих делах, как будто она просто задумалась и вот-вот обернётся. «Смотри,

— говорил он, — я доработал систему фильтрации. Как ты и хотела — с ионным очищением. Ты была права.» Молчание в ответ было лишь паузой, техническим затруднением.

Однажды он нашёл в сети статью о массовых сбоях в работе мессенджеров. «Вот! — почти воскликнул он вслух, тыча пальцем в экран. — Вот же! Сбои! Аккаунты блокируют ошибочно!» Он прочитал статью десять раз, пока слова не расплылись, не превратившись в бессмысленные закорючки.

«Она инсценировала свою смерть, — пронеслась у него в голове навязчивая, безумная мысль, которая вдруг показалась единственно верной. — Это часть какого-то её нового арт-проекта. Проверка. Испытание для меня. Сейчас, в любой момент, она выйдет на связь и скажет: „Вот видишь, как ты меня любишь?“»

Он начал проверять все её старые аккаунты в соцсетях, которые она не использовала годами. Написал туда: «Ашат, это я. Я здесь. Где ты?» Он искал её имя в новостях, в сводках ДТП Берлина, вчитываясь в каждую строчку, выискивая несоответствия. «Нет, это не она, — убеждал он себя, глядя на расплывчатые фото с места аварии. — Почерк не тот. Свет волос другой.»

Первая трещина в стене отрицания появилась, когда он случайно увидел в ленте фото Лины — она была в чёрном. Лёд скрежетал у него в груди. Но он тут же заделал трещину новой надеждой: «Это траур по другому человеку. Совпадение. Просто совпадение.»

Он продолжал слать сообщения в немой экран. Каждое непрочитанное письмо было ещё одним кирпичиком в стене, отгораживающей его от невыносимой реальности. Пока экран был немым, пока статус горел серым цветом — она была жива. Она просто молчала. Ненадолго. Совсем ненадолго.

Глава 7: Война с миром

На восьмой день он снова зашёл в их проект и увидел: «Учётная запись пользователя Ashata deactivated».

Слово «deactivated» ударило его с физической силой, словно молот по наковальне. Оно было холодным, техническим, окончательным. Не «удалена», не «в архиве» — деактивирована. Как вышедший из строя прибор.

«НЕТ!»

Его кулак со всей силы обрушился на клавиатуру. Пластик треснул, клавиши разлетелись, словно зубы. Он вскочил, с грохотом опрокинул кресло, схватил монитор и швырнул его на пол. Стекло взорвалось звёздами осколков.

Гнев был лавой, сжигающей всё на своём пути. Он метался по комнате, сметая со столов бумаги, книги, чашки. Он бил кулаком по стене, снова и снова, пока костяшки не содрались в кровь, оставляя на штукатурке багровые пятна. Ему было мало разрушить комнату. Ему нужно было разрушить весь мир, который посмел это сделать.

Ярость находила свои цели:

На неё. Как она посмела быть такой хрупкой? Такой неосторожной! Они всё планировали! А она… Она просто ушла на какой-то дурацкой улице, под колёса!

На мир. На тупой, бездушный механизм вселенной, который перемалывает самых лучших, самых светлых. На этот

проклятый город, на эти серые лица, живущие, как ни в чём не бывало.

На себя. Трус. Нищий неудачник, который копил копейки, вместо того чтобы взять кредит и примчаться к ней месяц назад. Он мог бы её спасти. Должен был.

Он вышел на улицу. Война была объявлена. Первым пал витринный муляж в магазине электроники, получивший удар ногой. Потом — случайный прохожий, нечаянно задевший его плечо. Скрючившись на асфальте, тот даже не понял, откуда свалилась на него эта ярость.

Ночью он нашёл своё новое пристанище — грязный, прокуренный бар на окраине. Он пил всё подряд, без разбора, большими глотками, словно пытался залить пламя внутри. Алкоголь не тушил его — он подливал масла в огонь. Он искал повода, малейшего взгляда, неосторожного слова. Его кулаки сами находили цели — чьи-то зубы, чьи-то рёбра. Он дрался с тупой, животной яростью, не чувствуя боли от чужих ударов. Его самого вышвыривали на мостовую, в грязь, в кровь. Он поднимался и шёл в следующий бар, чтобы продолжить войну.

Он вёл себя отвратительно. Хамил официанткам, грубил таксистам, орал по телефону на коллег, которые пытались его найти. Он стал тем, кого всегда презирал — агрессивным, неконтролируемым животным. Ему было плевать. Весь мир стал врагом.

Вернувшись однажды под утро в разгромленную кварти-

ру, он, шатаясь, подошёл к компьютеру, включил его, целясь пальцем в единственную уцелевшую клавишу. Он открыл их переписку и начал писать, выплёскивая свою ярость в цифровую пустоту:

«ПОЧЕМУ? Почему ты не была осторожнее? Мы всё планировали! ВСЁ! Наш дом, наш сад, наших детей! А ты… Ты просто ушла! Сломала всё! Ты сломала наш мир!»

Он отправил сообщение. Оно ушло в чёрную дыру несуществующего аккаунта, в бездну, которая не могла ответить.

Он рухнул на пол среди осколков своего прежнего бытия, среди осколков себя. И тогда, наконец, сквозь алкогольный туман и ярость, хлынули слёзы — не тихие и горькие, а яростные, исступлённые, с рыданиями, разрывавшими грудь. Он бил кулаками по полу и рыдал, проигравший генерал проигранной войны, в одиночку сражавшийся с Богом, судьбой и всем миром.

Глава 8: Сделка с пустотой

Ярость выгорела, оставив после себя выжженное пепелище, где теперь правил новый хозяин — лихорадочная, отчаянная энергия торга. Если нельзя вернуть силой, можно попробовать выменять. Скела начал вести переговоры с пустотой.

Он начал с малого, с суеверий, превращая свою жизнь в ритуал.

«Если я дойду до угла, не наступив на трещину в асфальте, она окажется жива».

Он шёл, уставившись в землю, как зомби, обходя каждую линию, каждую щель. Дошёл. Обернулся. Ничего не изменилось. Тишина.

«Хорошо, — думал он, — значит, условия были недостаточно жёсткими».

Он впал в цифровой шаманизм. Он создал ИИ-чатбот, загрузив в него все их переписки, все её голосовые сообщения. Бот выдавал фразы, похожие на её, строил диалоги. «Привет, Скела. Как твой день?» — светилось на экране. Это была утончённая пытка — пародия, карго-культ, имитация души. Он просил у бота прощения за свою ярость, умолял его вернуться. А потом, в приступе нового гнева, осознав весь ужас этой пародии, в ярости удалил его, стерев последнее цифровое подобие.

Торг становился всё более изощрённым и мистическим. Он начал вести счёт.

«Если я брошу курить… Прямо сейчас, с сегодняшнего дня, она вернётся». Он выбросил пачку в урну и продержался три дня, кашляя и мучаясь, впитывая свою боль как плату. Ничего.

«Если я буду помогать бездомным… Кормить их, давать деньги». Он раздал все наличные у метро, чувствуя себя идиотом и святым одновременно. Он ждал, что небо разверзнется и она позвонит. Небо молчало.

«Если я буду достаточно страдать…»

Это стало его главной валютой. Он почти перестал есть, доводя себя до голодных обмороков. Спал урывками на голом полу, подкладывая под голову книгу вместо подушки. Он истязал себя холодным душем и долгими ночными блужданиями по промозглым улицам, как будто его физические муки были той монетой, которой можно было заплатить Судьбе, Богу, Вселенной — кому угодно! — за её возвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.